

Глава седьмая: Обиды гаснут в кипящем котле и трех кувшинах вина; сердца открываются холодной ночью под одним одеялом

—

— Вино покупай у девы А-Цы. Только не бери дорогое, то простое на розлив, по три монеты за лян*, очень даже недурственное.

[*Лян (斤, liǎng) — это основная мера веса, которую использовали для всего: от серебра до вина и чая. 1 лян вина — это примерно 40-50 мл.]

— Дева А-Цы...

Следуя наставлениям Тан Юйшу, Линь Лан битый час кружил по рынку у Усадьбы Бога Богатства, но так и не смог найти ни одной женщины, торгующей вином.

К вечеру густые тучи, скопившиеся над Чэньтанем, внезапно рассеялись, и погода, казалось, пошла на лад.

Выйдя из своей комнаты, Линь Лан увидел вернувшегося с работы Тан Юйшу. Тот возился во дворе с грудой каких-то вещей, не то печью, не то очагом, утверждая, что вечером угостит его знатным ужином. Юйшу, словно официант в трактире, взял кусок черного сланца и, расспрашивая, усердно чертил что-то прямо на ладони:

— Тофу в рассоле — пойдет... Речные креветки — пойдет... А ветчина — это что такое? Ладно, пойдет-пойдет...

Линь Лан заглянул ему через плечо и увидел, что на мозолистой ладони вкривь и вкось нарисованы какие-то квадраты, крючки и кружочки. Он не сдержался и прыснул.

Тан Юйшу густо покраснел:

— Я сам-то понимаю, что пишу!

На вопросы о том, что же за диковинное блюдо он затеял, Юйшу лишь загадочно молчал. Сжав кулак, чтобы скрыть «записи», он направился к выходу, лишь наказав Линь Лану, как освободится, сходить за вином.

— ...Бог весть, что этот мужлан может сообразить.

Линь Лан долго ломал голову, но так и не разгадал замысел соседа.

Выйдя за ворота, он сразу окунулся в густой, живой дух рыночной суеты. На душе у Линь Лана стало необъяснимо уютно.

Каждое утро торговцы один за другим раскладывали свой нехитрый товар, и каждый на своем крошечном пятачке был сам себе господином.

Над рынком плыл аромат жареной рыбы и сладкий пар каши из семян лотоса. Полупрозрачное жемчужное желе вздрагивало от дуновения ветра, отражая яркую желтизну апельсиновых пирожных с соседнего лотка. На прилавках ровными рядами лежал подсушенный тофу, а неподалеку поблескивали на свету фрукты в сахарной глазури, сияя, словно драгоценные камни.

Линь Лан вспомнил улочки Цзиньлина, где закусовых было не счесть — у каждой солидная вывеска, парадный вход. Но здесь, на маленьком рынке, было что-то простое и настоящее, чего не хватало столичным заведениям.

Раньше в свободное время Линь Лан всегда брал с собой Шунь-эра, чтобы вдоволь наесться уличных лакомств.

Разумеется, об этом ни в коем случае не должен был узнать отец. Узнай он — посыпались бы бесконечные упреки: «Там же всё грязное! Наш повар раньше служил на самой Императорской кухне, неужто он не может угодить твоему капризному рту?»

И вправду — не мог.

Линь Лан был человеком, прошедшим Шелковый путь. От берегов реки Циньхуай в Цзяннани до королевства Гаочан в Западном крае он пробовал всё: утку в соусе из столицы, пельмени из-за Великой стены, целого барана на углях в пустыне Гоби и бесконечные виды лапши Центральных равнин. Если бы он взялся перечислять всё подробно, получилась бы толстая книга о кулинарном искусстве.

Но всё это осталось в прошлом.

С того момента, как он вышел за порог дома семьи Линь, Линь Лан был морально готов к тому, что, какими бы беззаботными и счастливыми ни были его прошлые дни, он не намерен оглядываться назад.

Так и не найдя А-Цы, Линь Лан заглянул к прилавку с лапшой за помощью:

— Дядя Ван, есть тут на рынке дева А-Цы, что вином торгует?

— Да вот же она, — дядя Ван указал на противоположную сторону. Линь Лан посмотрел туда и увидел лишь статного юношу в грубой холщовой рубахе с волосами, аккуратно завязанными сзади.

— ...Дева! — Линь Лан цыкнул и подчеркнул пол. — Тан Юйшу велел купить вина именно у нее.

— Так это и есть дева А-Цы! — дядя Ван тоже выделил это слово, на миг замер, а потом вскинул брови до самого лба: — Погоди-ка... Ты покупаешь вино для Юйшу? Неужто солнце взошло на западе?

— ... — Линь Лан замялся, не зная, что ответить. С привычным недовольным видом он закатил глаза, буркнул «Не твое дело!» и зашагал к винному лотку.

— Дева... А-Цы? — Линь Лан все еще отказывался верить. — Сколько стоит шаосинское вино? Самое лучшее!

А-Цы подняла голову и холодно ответила:

— Два цянтя (1 цянь = 1/10 ляна) серебра за кувшин.

Два цянтя... Линь Лан прикинул в уме, пощупал кошелек: «Как дорого...» Постоял, подумал и, стиснув зубы, решил:

— Ладно, это пойло за три монеты я пить не стану. Пусть этот бедняк за мой счет приобщится к деликатесам Цзяннани.

— Давай три кувшина!

Назвав число, Линь Лан почувствовал укол жалости к самому себе — когда-то он швырял деньги направо и налево, а теперь считает зазорным отдать два цянтя за вино...

А-Цы ловко выставила три кувшина на прилавок. Её лицо вдруг залилось странным румянцем:

— Денег не надо... Это подарок.

— С чего такая щедрость? — Линь Лан вытаращил глаза и непроизвольно поправил локон на лбу. — Позвольте узнать... почему?

А-Цы опустила голову, избегая его взгляда:

— Только не обижай больше брата Юйшу, тогда еще угощу...

Линь Лан-то уже начал было воображать, что девица покорена его обаянием, а оказалось — дело в этом мужлане?

— Не пойдет, не пойдет! — он скривился и выложил монеты перед А-Цы и потянулся к кувшинам.

Он сказал это в шутку, но А-Цы вдруг перехватила вино:

— Тогда не продам!

— Эй! — Линь Лан возмущился. — Я плачу сполна, по какому праву ты отказываешь?

— Вино мое: хочу — продаю, не хочу — нет, — А-Цы стояла на своем.

Видя, что девица не из простых, Линь Лан отступил:

— Ладно-ладно, не буду я его обижать! Идет?

А-Цы не отпускала кувшины, чувствуя подвох.

— Клянусь! Клянусь, ясно? — Линь Лан безнадежно поднял руку: — Я, Линь Лан, впредь не стану обижать Тан Юйшу! А если нарушу — пусть меня собака укусит. Теперь-то можно?

Только тогда А-Цы смягчилась и отдала ему вино.

Принимая кувшины, Линь Лан заметил на запястье А-Цы серебряный браслет. Он прищурился, разбирая надпись:

— Бай... Шу... Цы... Это твое имя?

Девушка явно не желала пускаться в разговоры. Она нетерпеливо зыркнула на него:

— Брать будешь или нет?

— Беру, беру... — Линь Лан подхватил кувшины и поспешил прочь.

— Да уж, сколько девиц на свете — столько и причуд.

— Бай Шуцы... — имя больше подходило мужчине, да и сама она была на него похожа. Если бы

не чистый, мелодичный голос, Линь Лан ни за что бы не поверил, что этот ловкий малый в холщовой рубаше — девушка.

При этой мысли в памяти всплыл другой образ.

Та ночь в Цзиньлине, в доме Лян. Линь Лан, под предлогом нужды, сбежал со скучного банкета вместе с Шунь-эром и прятался в саду. Там он встретил свое самое сокрушительное поражение.

К нему подошла девушка с ослепительной улыбкой. Несмотря на тяжелый парадный наряд, походка ее была легкой и достойной — разительный контраст с Линь Ланом, который развалился на каменной скамье.

«Господин Линь тоже тяготеет светскими условностями, раз сбежал сюда?»

Это была та самая девушка, на которой отец прочил его женить — Лян Сюй.

«Мне тоже очень неловко. Ведь... мой отец высокого мнения о вас, а я — нет». Слова были полны пренебрежения, но улыбка оставалась весенним ветерком.

«Вот она — выправка благородных девиц», — подумал тогда Линь Лан.

А барышня продолжала: «Впрочем, отец ценит не вас. Он ценит богатство семьи Линь, ценит роскошные залы вашего поместья, ценит ваши колесницы и блеск драгоценностей... Но вы ведь и сами знаете, господин — всё это роскошь*... это не вы».

[*Линьлан (靛靛, línláng) - дорогие и красивые вещи; драгоценность, редкость; звучит как его имя Линь Лан (靛靛, línláng).]

— «Это не я».

Линь Лан тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Ворота дома были приоткрыты. Тан Юйшу уже вернулся с покупками и увлеченно хлопотал, не замечая соседа. Линь Лан тихо замер, наблюдая, что же это за «вкуснятина» такая.

На углях стоял каменный котел. Вокруг были расставлены тарелки с вымытыми, но сырыми продуктами. От котла валил густой пар, искажая воздух и распространяя невероятно аппетитный аромат.

— ... Что это? Пахнет божественно... — не удержался Линь Лан.

— Вино купил? — Тан Юйшу обернулся.

Линь Лан качнул кувшинами и кивнул на котел:

— А это еще что за штука?

Тан Юйшу уже расставил палочки:

— Если боишься острого, сначала макни в это масло. Я купил всё, что ты любишь. Клади в котел что хочешь. Баранина уже готова, пробуй!

Глядя на бурлящие в котле пузырьки, Линь Лан засомневался:

— Это вообще... съедобно?

Тан Юйшу подцепил кусочек готового мяса, положил ему в чашку и подбодрил:

— Да ешь скорее, сам поймешь!

Вид у этой еды был, честно говоря, грубоватый. Но запах был слишком заманчивым, и Линь Лан, не желая обижать хозяина, осторожно отправил кусочек баранины в рот.

Мгновение спустя над рынком раздался вопль Линь Лана.

— Это... Это же невероятно вкусно!

— Правда?

Линь Лан решил, что тратить слова сейчас — преступление. Запихивая за обе щеки мясо, он лишь мычал:

— О-о-очень! Безумно вкусно!

— Это называется хого... — Тан Юйшу почувствовал гордость, угодив избалованному господину. — У нас на родине все это едят».

— Вкусно, как вкусно!

— Ешь побольше, — видя, как Линь Лан уплетает за двоих, Юйшу подбросил в котел овощей и разлил вино.

Линь Лан, с полным ртом баранины, размахивал палочками:

— Я с дядей пробовал все деликатесы мира, но этот твой котел не уступит никаким яствам!

— Ешь медленнее... — Юйшу не понимал его ученых слов, но от восторга Линь Лана его грудь колесом пошла вверх. — А я-то боялся, что тебе не понравится.

— А ветчину и креветок тоже можно туда кидать?

— Конечно, в нем всё можно варить.

— Ах! — Линь Лан проглотил кусок, часто задышал от остроты и лихо поднял чашу: — Давай — вздрогнем!

Тан Юйшу поднял свою, чокнулся, но у губ замер, принюхиваясь:

— Какой аромат!

— Два цян за кувшин! Это Шаосинское вино, гордость Цзяннани.

Тан Юйшу аж сердце прихватило:

— Слишком дорого, ты совсем не умеешь беречь деньги.

— Денег беречь не умею, зато людей ценю. Ты меня таким ужином встретил, уж три кувшина

вина я как-нибудь осилю.

Разговор потек своим чередом. Тан Юйшу закинул ломтик мяса и спросил:

— Семья у тебя такая богатая, зачем же ты ушел мучиться на чужбине?

Линь Лан, не сводя глаз с варящейся ветчины, горько усмехнулся:

— Если бы мне там было хорошо, я бы не сбежал. Отец выгнал!

— Выгнал?

— Ну да... Не хочу жениться на красавице, не хочу идти в чиновники, не хочу жить по его указке. А ты? Все говорят, что в Чэнду жизнь — рай, чего ж ты притащился в такую даль?

— Я-то... — Тан Юйшу тоже невесело улыбнулся. — Я обещал сестре, что привезу ее сюда... — Он вдруг что-то вспомнил и посмотрел на Линь Лана черными, полными надежды глазами: — Ты ведь ученый, грамоту знаешь... Прошу тебя об одной услуге!

— Какой? — жуя мясо, спросил Линь Лан.

— Напиши мне три иероглифа! — Юйшу сорвался с места, притащил из комнаты баночку киновари, старую облезлую кисточку и что-то, завернутое в ткань. Бережно развернул: это была деревянная табличка. — Напиши: Тан — Цинь — Ян. Тан Цинъян. Трудно писать?

Так вот для чего он тогда пилил доски спозаранку...

«Трудно писать?» — такой вопрос мог задать только неграмотный человек.

Линь Лан хотел было подразнить его, но увидел в улыбке Юйшу какую-то робкую надежду, словно тот боялся отказа. Свет от углей отражался в его глазах яркими искрами.

В голове Линь Лана промелькнули обрывки их недавних ссор.

— «Она так любила Цзяннань...»

— «Она не знала, что меня здесь обманут...»

— Ладно, — Линь Лан отложил палочки.

Он сходил в комнату и принес драгоценную кисть из нефрита и меха колонка — подарок дяди, которую берег для особого случая. Тан Юйшу не знал грамоты, но видел, как уверенно ложится киноварь с золотой крошкой на дерево, и ему казалось это прекрасным.

Вино ударило в голову, и Юйшу, глядя на табличку, забормотал:

— Запомни, сестренка, этого брата, что написал твое имя, зовут Линь Лан.

У Линь Лана защемило в носу. Он притворно кашлянул:

— Эй, угли гаснут!

— Я сейчас! — Тан Юйшу бережно спрятал табличку и бросился подкладывать жар.

Пировали они больше часа. Линь Лан наелся так, что дышать было трудно. Кувшины опустели.

Оказалось, что этот здоровяк совершенно не умеет пить — язык у него заплелся, и он начал бормотать что-то на своем сычуаньском диалекте, чего Линь Лан совсем не понимал.

Когда Линь Лан тащил его в западный флигель, Юйшу тыкал пальцем в пустоту:

— Почему луна кривая... почему цветы косые...

— Заткнись, нет тут никаких цветов!

Кое-как уложив соседа, Линь Лан вернулся к себе. Умылся, юркнул под одеяло.

— Может, и вправду в ведомстве ошиблись, — думал он. — Этот парень на мошенника совсем не похож.

— Жалко его...

Они почти ровесники, но судьба была несправедлива. Пока Линь Лан писал стихи на прогулочных лодках, тот сражался в кровавых битвах. Пока всё поместье Линь бегало вокруг молодого господина из-за легкой простуды, Тан Юйшу, стиснув зубы от боли в ранах, заботился о маленькой сестре. В Чэнду гремит война — в Цзиньлине о ней не слышно. В одном краю пожары и голод, в другом — песни, танцы и роскошь...

Линь Лан вздохнул. Острота хого еще горела на языке, но радость сытого желудка сменилась тихой грустью.

Он запомнил ту ночь — пятнадцатое число десятого месяца.

Небо, прояснившееся было на полдня, снова затянуло тучами. Пошел последний осенний дождь. В Чэньтань пришла зима.

Шум дождя разбудил Линь Лана в час инь (3:00 – 5:00). Он почувствовал под собой ледяной холод. Вскочил в ужасе — первая мысль была... неужто с перепоя в постель сходил?

Но быстро понял: прямо над кроватью с балок капала вода. Одеяло насквозь пропиталось ледяным дождем и тяжелым грузом липло к телу.

Раздосадованный, Линь Лан переоделся в сухое белье. Хмель окончательно выветрился. Постояв немного, дрожа от холода у мокрой постели, он выбежал из комнаты.

Тук-тук-тук!

— Тан Юйшу!

— Чего стряслось? — отозвался сонный голос.

— Я...

Тан Юйшу открыл дверь. С голым торсом, потирая глаза, он впустил мокрого Линь Лана в комнату:

— Ну что там?

— Мне холодно...

— Я же нашел тебе одеяло?

— Крыша течет...

Жалуюсь, Линь Лан покосился на кровать Юйшу. Толстое одеяло выглядело таким теплым и уютным.

— Двадцать монет! Продай мне свое одеяло!

Тан Юйшу зевнул.

— Не продается.

— Пятьдесят монет.

— Нет.

— Пять цянней серебра! Отрежь мне половину! — Линь Лан от холода заломил немыслимую цену.

— Не отрежу... Это единственная память от матери.

Линь Лан не унимался:

— Оно же у тебя какое-то несуразно длинное!

— Мама говорила — женюсь, будем вдвоем укрываться.

— ... — Линь Лан совсем замерз. — Пять лян! Не спорь!

Но Юйшу был непоколебим:

— Сказал же — не продам!

Линь Лан почувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Посреди ночи течет крыша, одеяло в луже... От отчаяния ему захотелось плакать:

— Но мне же холодно...

Тан Юйшу: «...»

Прошло немало времени, прежде чем Линь Лан согрелся под одеялом соседа. Повернув голову, он увидел, что Тан Юйшу лежит, закинув руки за голову, и отрешенно смотрит в темноту. Только сейчас Линь Лан заметил на его обнаженном теле множество страшных шрамов.

Линь Лан сглотнул. Слова застряли в горле. Он лишь тихо спросил:

— Почему не спишь?

— ...Кажется, протрезвел, — Юйшу улыбнулся ему в темноте.

— Раз так... давай поговорим?

— Давай побайкаем.

— Что?

— Побайкаем — значит, поболтаем, пообщаемся, — Тан Юйшу усмехнулся, видя его недоумение.

Линь Лан пропустил шутку мимо ушей:

— Что думаешь делать дальше? Снова в порт пойдешь?

— Пойду...

— Не ходи. Этот бригадир — гнилой человек. С твоей ловкостью любую работу найдешь.

— Кто знает... Вот решат судьбу дома, может, меня опять куда зашлют... Пока побуду там. А ты? Что планируешь?

— Дело открою, — Линь Лан вздохнул, подложив руки под голову.

— Какое дело?

— Не знаю... — Линь Лан снова не нашел ответа. — Пока не уехал из дома, думал — я великий делец, всё могу... А теперь вижу, что без имени отца я — никто.

Тан Юйшу молчал, внимательно слушая.

— Эх... не знаю, правильно ли я сделал, что уехал. Но знаю точно: оставаться там было нельзя... Ты боишься, Тан Юйшу? Боишься туманного будущего... боишься, что деньги кончатся и ты поймешь, что отец был прав — без него ты пустое место?

— А ведь ты очень способный человек.

Линь Лан открыл глаза.

Тан Юйшу смотрел на него. В темноте юноша растерял свою спесь и казался хрупким.

— Ты умный, много видел. Умеешь с людьми ладить, плохих парней вокруг пальца обводишь. Грамоте обучен, такие слова знаешь, что я и не слыхивал... Только характер скверный.

За последнее замечание Юйшу получил чувствительный пинок по левой ноге.

— Всё-всё, молчу! — смеясь, взмолился Юйшу. — А главное — ты знаешь, как надо жить. А я вот нет. Раньше я всё делал ради Цинъян: пошел в армию, чтобы заработать на лекарства; убивал врагов, чтобы получить награду... А война кончилась, и сестры не стало. Остался один и не знаю — зачем жить, для чего...

— Ты не верил, но этот дом мне правда генерал пожаловал. Наверное, ошибка вышла... Раз это наследство твоего деда — значит, оно твое. Как дело решится, мне дадут другое жилье. Но я останусь в Цзяннани. Будешь в гости приходить.

— Брат Юйшу... спасибо тебе.

— За что? — Юйшу опешил от такого обращения.

— ...За всё, — Линь Лан отвернулся, не любя телячьих нежностей. И быстро сменил тему: —

Слушай, в тот день, когда всё решится, кто бы из нас ни уехал — угостишь меня еще раз этим котлом?

— Так понравилось?

— Правда очень вкусно!

— Идет, идет!

— Ха? Что идет? — Линь Лан рассмеялся и передразнил его.

Небо за окном стало серым, пропели первые петухи. Линь Лан, казалось, уснул. Тан Юйшу осторожно начал перелезать через него, собираясь на работу. Но не успел он коснуться пола, как Линь Лан с криком «Тан Юйшу!» вскочил, и Юйшу, потеряв равновесие, кубарем скатился с кровати.

— Да что с тобой... — Юйшу потирал ушибленный локоть.

— Ложись обратно! Слушай! — Линь Лан в возбуждении хлопал по кровати.

— Мне... мне в порт пора, — Юйшу стало не по себе.

— Я придумал! Наконец-то придумал! — Линь Лан его не слушал. — Не ходи в порт - будем работать вместе!

— Что делать? — Юйшу потрогал лоб соседа, не бредит ли тот.

Линь Лан оттолкнул его руку:

— Смотри — ты умеешь готовить этот чертовски вкусный котел. Я знаю толк в торговле и управлении. У нас есть этот огромный двор. И у меня есть сто лянов серебра на старт... Давай откроем ресторан!

— Чего? — Юйшу не успевал за его мыслью.

Линь Лан схватил его за руку и сильно потрянул:

— Давай откроем ресторан хого!

—

<http://bllate.org/book/12583/1118363>